

Малинче и покорение Мексики. Попытка исторической реконструкции¹

© Садиков А.В., 2025

Александр Викторович Садиков, канд. филол. наук, профессор кафедры устного перевода ВКИЯ МИД России.
119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Аннотация. Автор выдвигает собственную гипотезу на основе источников относительно того, как протекало покорение Мексики, точнее, ее переход из-под власти Империи ацтеков под власть Испании. Согласно версии автора, поход Кортеса на Теночтитлан был лишь очередным эпизодом в ряду почти непрерывных войн ацтеков с местными непокорными племенами, завершившихся победой последних. Прибытие экспедиции Кортеса решило исход этого противостояния, поскольку испанцы стали связующим звеном той антиацтекской коалиции, которая повела развернутое наступление на столицу империи. Реальным же создателем этой коалиции была ацтекская женщина знатного рода по имени Малинче, ставшая переводчицей Кортеса. Выступив в этой роли, она сумела восполнить полное неведение Кортеса о новом для него мире, пользуясь и своим знанием местной ситуации, и свободой (и бесконтрольностью) в выражении позиций сторон, поскольку никто из других участников переговоров не мог сравнить содержание высказываний любой из сторон на входе и выходе. Эта же женщина сыграла роль главной разведчицы штаба Кортеса, поскольку только она могла общаться с лазутчиками и местными жителями, собирая сведения о передвижениях противника в ходе всей кампании. Именно блестящее выполнение ею этих ролей принесло победу коалиции.

Ключевые слова: Мексика, Испания, Конкиста, Империя ацтеков, межплеменные войны, коалиция, Кортес, Малинче, переговоры

Для цитирования: Садиков А.В. (2025) Малинче и покорение Мексики. Попытка исторической реконструкции. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 75–102. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-75-102

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

¹ Автор предпринимает попытку исторической реконструкции на основе анализа реального хода событий и их последствий, конкретного переговорного процесса и многолетнего собственного профессионального опыта участия в переговорах в качестве переводчика на высшем уровне. — *Примеч. ред.*

Malinche y la Conquista de México. Un intento de reconstrucción histórica²

© Sádikov A.V., 2025

Alexánder V. Sádikov, PhD (Filología), Catedrático del Departamento de Interpretación de la Escuela Superior de Lenguas Extranjeras del Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia. 119200, Rusia, Moscú, Smolenskaya-Sennaya plaza, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Resumen. El autor avanza una hipótesis propia (bien que basada en testimonios) de cómo transcurrió la presunta Conquista de México o, más exactamente, la transición de aquel país de ser parte del Imperio Azteca a ser parte de España. Según esta versión del autor, la campaña emprendida por Cortés contra Tenochtitlan no fue sino un episodio más de las guerras casi ininterrumpidas libradas entre los aztecas y las tribus autóctonas, que culminaron con el triunfo de estas últimas. La llegada de la tropa de Cortés decidió el desenlace de aquella gesta, puesto que los españoles llegaron a ser la armazón que articuló toda una coalición de fuerzas antiaztecas que lanzaron una ofensiva arrolladora sobre la capital del Imperio. Y fue una mujer azteca llamada Malinche la que hizo de artífice de esa Coalición. Figuró como intérprete de Cortés y, mientras desempeñaba este papel, supo suplir la crasa ignorancia de Cortés respecto a todos los asuntos de lo que fue para él un mundo nuevo y absolutamente desconocido. Supo aprovechar al máximo tanto su experta visión de la situación vigente en el Imperio, como su libertad de expresión (y falta absoluta de control externo) a la hora de explicar las posturas de las partes contratantes, visto que ninguno de los demás interlocutores estaba en condiciones de poder contrastar las versiones de ella con los enunciados originales. Fue aquella misma mujer la que hizo de jefe supremo (y único) de la inteligencia del bando español, puesto que nadie sino ella podía comunicar con los espías y la población local recogiendo informaciones sobre los movimientos y los designios del enemigo a lo largo de toda la campaña. Fue ese excelente desempeño de ambos roles lo que al fin y al cabo aseguró la victoria de la Coalición.

Palabras clave: México, España, Conquista, Imperio Azteca, guerras intertribales, coalición, Cortés, Malinche, negociaciones

Para citar: Sádikov A.V. (2025) Malinche y la Conquista de México. Un intento de reconstrucción histórica, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 75–102. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-75-102

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

² El autor hace una reconstrucción histórica de los acontecimientos reales y sus consecuencias analizando un proceso de negociación en el marco de su propia experiencia profesional de intérprete en las negociaciones al más alto nivel. — *N. de la R.*

Malinche and the Conquest of Mexico. An Attempt at Historical Reconstruction³

© Sadikov A.V., 2025

Alexander V. Sadikov, PhD (Philology), Professor at Oral Translation Department, Higher School of Foreign Languages, Ministry of Foreign Affairs.
119200, Russia, Moscow, Smolenskaya-Sennaya square, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Abstract. The author sets forward a hypothesis of his own (though based on reliable sources) of the course of events that led to the subdual or, more exactly, to the loss of power of the Aztec Empire over what is now Mexico and the fall of the land under control by Spain. This version sustains that the campaign endeavored by Cortés against Tenochtitlan was only another episode of a whole series of wars waged by indigenous tribes against the Empire, wars that culminated in the victory of the former. The arrival of Cortés' expeditionary force decided the outcome of the confrontation in which the Spaniards posed as the unifying link of a coalition of antiAztec forces that launched a full-scale offensive on the capital city of the Empire. Yet it was Malinche, a woman of noble Aztec descent, who became the actual mastermind of the Coalition. Nominally she acted as Cortés' interpreter and made a superb performance, compensating for the captain's crass ignorance of all things related to the New World. She made full use of her expert knowledge of the political situation, as well as of her freedom of expression (in absence of any outer control) in the interpretation of the negotiators' standpoints, since no other participant could contrast her version of any statement with the original. The same woman also acted as the chief intelligence officer operating in the best interest of Cortés' staff, as she was the only one who could talk with scouts and local residents piecing together all bits of information concerning the moves and plans of the enemy throughout the whole campaign. And it was her brilliant performance in both the above-mentioned roles that ensured the final victory of the Coalition.

Key words: Mexico, Spain, Conquest, Aztec Empire, intertribal wars, coalition, Cortés, Malinche, negotiations

For citation: Sadikov A.V. (2025) Malinche and the Conquest of Mexico. An Attempt at Historical Reconstruction, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 75–102. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-75-102

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

³ The author undertakes a historical reconstruction of specific negotiations based on the interpretation of the real course of events and their consequences, and on his own professional experience of participation in negotiations as an interpreter at the highest level. — [EN].

Темой данной работы будет покорение Америки. Точнее, не вся история распространения власти Испанской короны на обширные пространства нового континента, а лишь один из начальных, но при этом важнейших эпизодов этой эпопеи: покорение испанцами Мексики. Подчеркнем: покорение означает не завоевание, но, скорее, подчинение, точнее, присоединение. Или даже освобождение, или взятие под защиту. Или всё перечисленное вместе взятое.

Казалось бы, история Завоевания (исп. *Conquista*) известна и многократно описана⁴. За пять истекших веков опубликованы сотни трудов на разных языках, представляющих различные аспекты Покорения, в том числе и личности главных деятелей тех событий. Однако никогда не лишне бывает бросить еще один взгляд на, казалось бы, всем известные факты и предпринять еще одну попытку переосмыслить их — с учетом того видения событий, которым не владели историки прежних времен. Историки, подчеркнем, которые сами никогда в жизни не вели, даже не наблюдали и уж тем более не переводили переговоров политических деятелей разных стран. Тем более переговоров, ведущихся в узком кругу за закрытыми дверями.

А вот все, что скрыто от глаз публики и не подлежит разглашению, может быть лишь предметом реконструкции, но не произвольной, а опирающейся на знание исторического контекста, механики дипломатии, а главное — на знание тех реальных последствий диалога, которые невозможно отрицать.

Подчеркнем: изложенное в данной статье представляет собой гипотезу, не более чем гипотезу, но основанную на общеизвестных фактах, которые содержатся в свидетельствах современников событий. Свидетельствах, также ставших достоянием мировой исторической науки. Источников существует множество, но основными для нас, по понятным причинам, стали три: донесения Эрнана Кортеса королю Испании⁵, записки Берналя Диаса «Правдивая история завоевания Новой Испании»⁶ и многотомный труд Бернардино де Саагуна «Всеобщая история событий в Новой Испании»⁷. Из них первые два были непосредственными участниками событий, а третий —

⁴ Плодотворно над этой темой работал А.Ф. Кофман. Подробнее см.: Кофман А.Ф. Кортес и его капитаны. Москва. Пан Пресс. 2007. 352 с.; Кофман А.Ф. Рыцари Нового Света. Москва. Пан Пресс. 2007. 196 с.; Кофман А.Ф. Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки. Москва, Санкт-Петербург. Эрвез, Симпозиум. 2009. 606 с.; Кофман А.Ф. Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. Москва. ИМЛИ РАН. 2012. 304 с.; Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. Санкт-Петербург. Крига. В 2-х томах. 2017; Кофман А.Ф. Это стоило Перу. Санкт-Петербург. Крига. 2022. 424 с. и другие книги. — *Примеч. ред.*

⁵ Cortés H. Cartas de relación de la conquista de México. Madrid. Espasa-Calpe, S.A. 1984. 300 p.

⁶ Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании. Москва. Форум. 2000. 400 с.

⁷ Sahagún Fray Bernardino de. Historia general de las cosas de la Nueva España. Tt. I, II. Ed. de Juan Carlos Temprano. Madrid, DASTIN, S.L. 2003.

добросовестным историком, собравшим свидетельства многих еще живых тогда участников и наблюдателей этой исторической эпопеи, о которой у нас пойдет речь. Но сначала — несколько вводных замечаний.

Что такое «Черная легенда»?

Открытие Америки распахнуло новые горизонты перед европейскими народами, привыкшими бороться за жизненное пространство. Перед ними лежал огромный неизведанный континент, манивший их не столько перспективой быстрого обогащения (о золоте Перу или серебре Потоси в тот момент еще никто не знал), сколько другими, жизненно важными для них возможностями. Безземельным крестьянам он обещал вожаденную землю, религиозным меньшинствам — возможность скрыться от преследований, торговцам — доступ к экзотическим товарам, тогда еще воображаемым, но от того не менее желанным, профессиональным военным — возможность и далее дорого продавать свою шпагу, священнослужителям — возможность осуществить благородную миссию обращения язычников в христианство. Наконец, властителям — всё это вместе взятое плюс пленительный образ собственного величия.

Но не будем забывать и о том, что борьба за первенство в цивилизованном мире велась не только за географическое пространство и доступ к источникам богатства. Она велась и на идеологическом фронте, где каждая колониальная держава стремилась выставить себя и только себя поборницей истинно христианских и других человеческих ценностей, другие же — вместилищем корыстолюбия, бесчеловечной жестокости, прикрытым лицемерием и ханжеством. И в этой идеологической войне Испания безнадежно проиграла — во многом из-за собственной умственной лености и процветавшей из нее неспособности конкурировать в мире идей, — проиграла своим главным соперникам в борьбе за мировое господство — англичанам [Кеймен, 2008: 669]. А также и другим соперникам в этом же состязании — голландцам.

И мощным идейным оружием в этой борьбе стала «Черная легенда».

Бесспорно, что создатели ее опирались на многие весьма неприглядные факты реальной истории покорения Испанией Америки и владычества в ней. Такое было время. Без массовых убийств, зверств и грабежа мирного населения не обходился ни один конфликт — будь то Столетняя война между Англией и Францией (1337–1453), Крестьянская война в Германии

Берналь Диас.
Правдивая история
завоевания Новой Испании.
1632

(1524–1525), войны католиков и гугенотов во Франции (1562–1598) или же, наконец, всеевропейская бойня, вошедшая в историю под названием «Тридцатилетней войны» (1618–1648). К слову, не менее жестокой была и тянувшаяся столетиями, то затихавшая, то снова вспыхивавшая война коренного населения Америки — и Северной, и Южной — против европейских поселенцев. Но составление широкой панорамы событий не входило в планы авторов «Черной легенды». Их задачей было заклеить Испанию и не только Испанию — будучи протестантами, они вели идейную борьбу и с католической церковью, которая видела в Испании главный оплот своей доктрины. А поскольку в XX в. идеологическая борьба, получившая новое наполнение, обрела и всемирный масштаб, и особую интенсивность, «Черная легенда» без помех была взята на вооружение и в нашей стране.

Каково, если говорить кратко, содержание «Черной легенды»? В населенную мирными и кроткими индейцами Америку неудержимой лавиной вторгается армия закованных в железо испанцев. Они неуязвимы оружием индейцев, а своих врагов поражают на расстоянии огнем мушкетов, мортир и кулеврин, что повергает индейцев в ужас. В ужас их повергают и лошади, которых они видят впервые, так что поначалу даже принимают всадника на лошади за некое фантастическое двухголовое существо. Дополняют картину и свирепые проворные собаки, которых индейцы не могут убить ударами своих палиц, оснащенных острыми обломками обсидиана. Испанцы истребляют мирное население, а уцелевших обращают в рабство, эксплуатируя их или в поместьях, или на рудниках, где индейцы массами умирают от непосильного труда. Все ценное вывозится в метрополию, а испанцы становятся своего рода паразитической кастой, живущей за счет угнетаемого населения.

А на самом деле?

Для того чтобы понять, как это было на самом деле, нам придется обратиться к подлинным документам Эпохи Покорения и последующих эпох истории теперь уже Испанской Америки. Свидетельства и мнения современников событий, а также и историков последующих эпох, различны и часто противоречат друг другу. Но это обычное дело в историографии; и напротив: полное единогласие может означать только одно — тотальный контроль какой-либо действующей власти над мыслью и словом историков.

Итак, с чем столкнулись испанцы, ступив на землю Западного континента и еще ничего не зная о нем?

Действующие лица: Кортес, Малинче и другие

До момента полномасштабного вторжения на территорию нынешней Мексики, предпринятого экспедицией Эрнана Кортеса (Hernán Cortés, 1485–1547), испанцы побывали здесь лишь дважды. Сначала, весной 1517 г., это была экспедиция Эрнандеса де Кордовы (Francisco Hernández de

*Встреча между
Хуаном де Грихальвой и вождем
мая Табскообом в 1518 г.*

Córdoba, 1467–1517), которая и открыла для европейцев Юкатан. Отряд Эрнандеса подвергся нападению индейцев мая (у селения Чакан-Путум) и был почти полностью уничтожен; сам его предводитель скончался от ран уже после возвращения на Кубу. А за этой первой последовала экспедиция Хуана де Грихальвы (Juan de Grijalva, 1490–1527), который летом 1518 г. исследовал побережье Юкатана, где также был атакован местными племенами, но достойно отразил нападение, нанеся туземцам чувствительные потери. Следует отметить, что эта победа имела важные последствия для всей эпопеи покорения Мексики: она внушила индейцам мая уважение к испанцам и тем самым подтолкнула их к будущему союзу, направленному против империи ацтеков. Непосредственным следствием этого события стало

то, что, когда экспедиция прибыла в Табаско, местный вождь отнесся к ней очень благосклонно: он встретился с предводителем испанцев, и они обменялись любезностями и подарками. И здесь испанцы — в лице Грихальвы и его капеллана Хуана Диаса (Juan Díaz, 1480–1549) — впервые узнали о существовании на континенте империи ацтеков и, вероятно, о непримиримой вражде народа мая с упомянутой империей.

Ключевую роль в завоевании испанцами Мексики сыграли люди, стоявшие, скажем так, на грани двух миров. Их было трое. О них у нас пойдет речь ниже. Но сначала — о человеке, который вошел в историю как главный деятель той грандиозной эпопеи — об Эрнанде Кортесе.

Кортес

Эрнан Кортес де Монрой и Писарро Альтамирано, более известный как Эрнан Кортес, — испанский солдат удачи, завоевавший Мексику. Происходил из семьи небогатых, но знатных дворян. Два года изучал право в Саламанкском университете, однако выбрал военную карьеру. В 1504 г. отправился в Америку и обосновался на острове Ла-Эспаньола (ныне — Гаити). После административной реформы 1506 г. был назначен нотариусом и пожалован имением в местности к западу от Санто-Доминго, что обеспечило ему приличный доход.

*Хосе Саломе Пина.
Копия портрета
Эрнана Кортеса. Ок. 1879*

В 1510 г. тогдашний наместник Испанской империи в Новом Свете Диего Колон (сын Христофора Колумба, Diego Colón, 1479/1480–1526) начал подготовку к завоеванию Кубы. Во главе военной экспедиции был поставлен Диего Веласкес де Куэльяр (Diego Velázquez de Cuéllar, 1465–1524), а казначеем экспедиции — Эрнан Кортес. В ноябре 1511 г. Веласкес отплыл из Сальватьерры (порт на западном берегу Ла-Эспаньола). Первым пунктом высадки стал залив Баракоа, где Веласкес провозгласил себя губернатором и основал город Асунсьон, а вскоре начал проводить политику, независимую от наместника. Однако не все его подчиненные одобрили эту политику. Они составили жалобу (а можно сказать — донос) и поручили Кортесу вручить ее Диего Колону, но он был задержан при посадке на судно, отплывавшее на Ла-Эспаньолу, и доставлен к начальнику экспедиции. Ему удалось убедить Веласкеса в своей непричастности к какому-либо заговору и даже получить должность мэра только что заложенного города Сантьяго-де-Куба. Взамен он обещал жениться на свояченице Веласкеса — Каталине Хуарес (Catalina Suárez Marcapda, 1498–1522).

В 1518 г. Кортес добился от Веласкеса разрешения организовать экспедицию для завоевания Мексики и в ночь с 17 на 18 ноября во главе своей эскадры отплыл на запад [Дюверже, 2005].

А теперь спросим: что мог знать Кортес о стране, куда он направлялся? Ответ: практически ничего. Те немногие индейцы, которые подвизались в качестве переводчиков при испанских военачальниках, были жителями островов Карибского моря и говорили на местных языках. Их испанский был крайне примитивен и не выходил за пределы нужд бытового общения. Что они могли знать о военно-политической ситуации в империи *Мешика*, если даже не говорили на языках этой империи, а если бы даже что-то знали понаслышке, то какими словами могли бы объяснить это испанцам?

У Кортеса в период подготовки были только два переводчика — испанец Херонимо де Агилар (Gerónimo de Aguilar, 1489–1531) и индеец по имени Мельчорехо (Melchor). Но этот последний оказался, как мы увидим далее, бесполезным, да к тому же и предателем. Реальную помощь оказал только Агилар.

Агилар

Херонимо де Агилар, согласно некоторым источникам, до описываемых нами событий был священнослужителем (дьяконом или послушником). В 1511 г. участвовал в экспедиции на Ла-Эспаньолу под командованием капитана Педро де Вальдивии (Pedro de Valdivia, 1497–1553), но корабль, на котором плыл Агилар, потерпел крушение у берегов Юкатана. Спаслись на шлюпке несколько человек, которых две недели носило по морю, а затем выбросило на побережье Юкатана. Индейцы майя захватили их в плен, после чего капитан и четверо членов экипажа были принесены в жертву

богам. Остальных временно оставили в живых. Агилар и еще шестеро его спутников сумели бежать. Но возле Тулумы, центра соседнего княжества, они снова были захвачены в плен и обращены в рабство. К моменту высадки Кортеса в живых оставались только двое — Агилар и матрос Гонсало Герреро (Gonzalo Guerrero, ок. 1470–1536). За это время Герреро успел снова сбежать и оказался в еще одном соседнем княжестве, в Четумале, где сумел войти в доверие к правителю и через некоторое время стал военачальником, а затем и женился на знатной женщине этого племени.

Кортес знал о существовании этих двух испанцев и через доверенных людей послал им обоим предложение примкнуть к его походу. Агилар согласился, а Герреро отказался и в дальнейшем выступал на стороне тех майя, которые боролись с испанцами.

А что же Агилар? Цитируем Берналя Диаса: «Говорил он, все ещё путая испанские слова с индейскими. И он сказал, что зовут его Херонимо де Агиляр, что он уроженец Эсихи и <...> лет восемь тому назад они уцелели после кораблекрушения, он сам и другие 15 мужчин и 2 женщины, которые отплыли с Энкисо и Вальдивией из Дарьена к острову Санто Доминго, когда были беспорядки и распри, и сказал он, что <...> судно, на котором он плыл, напоролось на [риффы] «Скорпионы» и затонуло; и ему с товарищами и 2 женщинами пришлось спастись на лодке этого судна, они хотели добраться до острова Куба или Ямайки, но потеряли направление, и море выбросило их на эти берега, где их взяли в плен <...> Большинство было принесено в жертву идолам, другие, в том числе обе женщины, умерли с горя <...> В живых сейчас лишь ещё Гонсало Герреро, который, однако, отказался вернуться к своим. И ему сказал Кортес, что он будет отличен и вознагражден, и расспрашивал его о землях и поселениях. Агиляр же отвечал, что знает немного, ибо в качестве раба жил лишь на одном месте и мало что видел. А когда расспрашивал о Гонсало Герреро, то он сказал, что тот женился и у него трое детей, а сам он стал совсем индейцем — пронзил себе уши и нижнюю губу, изрезал щеки, раскрашивает лицо и тело <...> и ещё, что Герреро — силен и пользуется большим уважением...»⁸.

Херонимо де Агилар представлен Кортесу после 8 лет пребывания среди коренных жителей

⁸ Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании... С. 29–32.

Агилар и был первым учителем Малинче, а затем и ее неперменным партнером в ходе переговоров — но только до того момента, когда она почувствовала себя достаточно уверенно во владении испанским, чтобы избавиться от сотрудника — ведь он же конкурент и ненужный свидетель. После 1521 г. имя Агилара в хрониках не упоминается.

А теперь перейдем к характеристике главной героини нашего повествования — Малинче.

Малинче

Но сначала — о положении Кортеса после отплытия в Мексику. Высадившись на полуострове Юкатан у селения Табаско, Кортес посадил свои корабли на рифы, чтобы лишить их плавучести и тем самым предотвратить дезертирство своих солдат. С ним было около 400 испанцев, готовых на все в надежде на быстрое обогащение. Но сразу после высадки Кортес осознал, что ему предстояло столкнуться

*Вторжение Эрнана Кортеса в город Табаско.
Вторая половина XVII в.*

с империей, насчитывавшей миллионы подданных и, соответственно, сотни тысяч воинов. Положение со всех практических точек зрения было безнадежным, а затеянное им предприятие — безумным.

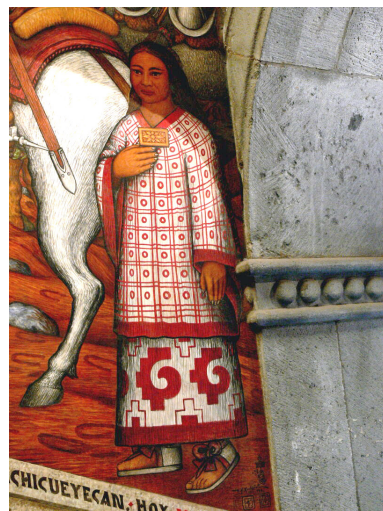
И оно обернулось бы полным разгромом и гибелью всех участников, поскольку даже бежать им было невозможно — они сами отрезали себе пути к отступлению. Но на помощь Кортесу пришли местные племена, ненавидевшие империю ацтеков и строившие планы восстания. Уточним, очередного восстания, ибо войны ацтеков с покоренными ими народами вспыхивали всякий раз с новой силой. Фактически Кортес вмешался в общеимперскую гражданскую войну, создав перевес одной из ее сторон и став ее предводителем.

Но прежде будущему предводителю предстояло показать свою силу, а майя — испытать ее. А испытать ее можно было только на себе. 14 марта, ночью, индейцы атаковали испанцев, но были разбиты наголову; вот здесь испанцамгодились и лошади, и боевые собаки, и огнестрельное оружие, и железные доспехи, и шпаги толедской стали. А также и то, что испанцы, имевшие многовековой опыт войн с маврами на территории Испании, на ночь выставляли дозоры и спали в доспехах, о чем индейцы даже не догадывались, думая застигнуть пришельцев врасплох. Это поражение как нельзя

лучше убедило майя, что испанцев лучше иметь в качестве союзников, нежели врагов. К тому же пришельцы не требовали людей для жертвоприношений — только съестных припасов и золота, не отказываясь, впрочем, и от женщин. Можно было договариваться. Но как понять друг друга?

Как уже было сказано, на тот момент у Кортеса было два переводчика — Агилар и индеец, крещенный под именем Мельчоре. Но этот последний сбежал перед самым нападением туземцев, очевидно, сговорившись с ними. Оставался только Агилар. Но он говорил лишь на одном из диалектов языка майя (диалект *чонталь*) и мог быть понят только людьми этого народа. К северу от майя жили племена, говорившие каждое на своем языке, и договариваться с ними можно было только на ацтекском (*науа*) — официальном языке империи. Сами эти племена языка майя не знали, и переводчиков науа-майя не было в природе. Но тут Кортесу несказанно повезло!

На другой же день после пробы сил, 15 марта 1519 г., в Табаско к Кортесу явилась представительная депутация старейшин местных племен, доставивших в дар победителю несколько золотых украшений и другие подарки, и в их числе — 20 молодых женщин, среди которых выделялась своей красотой девушка по имени *Малиналли Тенепаль* (последнее слово на языке науа означает «говорливая»), которую также называли *Малинцин* (суффикс *-цин* означал «человек знатного рода», что испанцам было легче произносить как *Малинче*; правда, ее тут же крестили под именем *Марина*, а суффикс *-цин* был скалькирован на испанский, в результате чего она стала зваться *Донья Марина*). Кортес сначала отдал ее своему другу Алонсо Портокарреро (Alonso Hernández Portocarrero, ок. 1480–1524), но вскоре вернул себе. Узнав от Агилара, что девушка говорит по-ацтекски, Кортес сделал ее подручной своего единственного переводчика, чтобы тот обучил ее испанскому языку. Но обучение, при всех незаурядных способностях Малинче, требовало времени, а вести переговоры с вождями местных племен, в том числе и не говорившими на майя, надо было сейчас. Да, соседние с майя племена говорили каждое на своем языке, но по-ацтекски — на языке Империи — говорили все. Поэтому переговоры шли через двух посредников: Малинче переводила с ацтекского на майя и обратно, а Агилар, соответственно, с майя — на испанский. В ходе переговоров Малинче очень быстро осваивала испанский язык; об этом можно судить уже по тому, что в хрониках последующего периода имя Агилара почти не упоминается.

Десидерио Эрнандес
Ксочитиотцин. Малинче.
Фрагмент мурала во дворце
правительства штата
Тласкала, Мексика

Кем была эта женщина? Относительно ее происхождения существует несколько легенд, среди которых наиболее популярной является следующая: Малинче была дочерью и возможной наследницей вождя одной из ацтекских общин. Поскольку своей яркой личностью она затмевала своего ленивого и глупого брата, то их мать, чтобы избежать конкуренции, продала ее в рабство племени майя, которое, однако, помнило о происхождении девочки и держало ее как секретное оружие против ацтеков на будущее. И по стечению обстоятельств это секретное оружие сработало. И не было ли само появление Малинче в стане испанцев исполнением хитроумного замысла старейшин майя? Если это так, то замысел сработал так и с такой силой, какой никто из них даже не ожидал.

В первые же дни, когда Агилар открыл для себя Малинче и доложил о ней Кортесу, начались их регулярные встречи втроем — надо было срочно готовиться к переговорам с вождями майя. А когда эти переговоры начались, то можно предположить, что Кортес, Агилар и Малинче обсуждали тонкости политических событий на всем пространстве огромной империи Мешика.

Малинче и Эрнан Кортес.
Иллюстрация к «Истории Индий Новой Испании»
Диего Дурана. Вторая половина XVI в.

А теперь реконструируем эту картину событий. Мы не знаем, какими словами описывала ее Малинче и как это звучало в переводе Агилара на испанский, но мы знаем о ней из трудов испанских хронистов, и прежде всего из монументального трактата выдающегося испанского гуманиста, историка и этнографа Бернардино де Саагуна (Bernardino de Sahagún, с. 1499–1590) «Всеобщая история событий в Новой Испании». Разумеется, мы опираемся и на работы современных историков и воссоздаем эту картину не на языке Агилара, а на языке науки XX–XXI вв. [Caso, 1953; Orozco Linares, 2015].

Итак, что представляла собой *Империя Мешика* (т.е. государство ацтеков)? В самом общем плане можно сказать, что это была монархия, но монархия своеобразная. Во главе государства стоял император (*Tlatoani*), власть его была абсолютной, но не наследственной. После смерти очередного правителя его преемник избирался, при этом право голоса имели только представители знати. Привилегированными сословиями были, как водится, знать и жрецы. Но знатными ацтеками могли стать и становились наиболее доблестные и искусные воины из простонародья.

Все ацтеки в детстве учились в государственных школах. Проявившие особые способности к грамоте, музыке или спорту отбирались и становились профессионалами, будь то в системе государственного управления, религиозного культа или в сфере развлечений. Остальные в возрасте 15 лет проходили обучение боевым искусствам и становились воинами.

Война считалась главным предназначением мужчины. Те из молодых, кто в первых же сражениях сумел захватить двух-трех пленников, становились профессиональными военными, и таковых было большинство. Содержать их должны были их пленники. Кроме того, они получали вознаграждение от государства за каждого вновь захваченного пленного. Кто в первых трех сражениях не захватил ни одного, переходил в сословия крестьян, ремесленников или торговцев. Будучи чистокровными ацтеками, они также причислялись к господствующей касте и могли иметь рабов из числа людей покоренных народов. Но подлинно привилегированной кастой были все же воины.

Что означало господство ацтеков для сопредельных народов? Конечно, их облагали данью, что свойственно для любой империи. Но, кроме того, они подпадали под власть чиновников-ацтеков, присланных из центра. Чиновники имели право сгонять их на любые работы в интересах центральной власти, принудительно включать их контингенты в армию Империи и вообще творить любой произвол. Самое же страшное: от них требовалось ежегодно поставлять молодых людей для человеческих жертвоприношений. По свидетельству хронистов, за один день какого-либо крупного религиозного праздника на всей территории Империи могло быть принесено в жертву до 80 000 человек [Hassig, 2003: 46–51]⁹.

И как способ обеспечить поступление жертв на алтари ацтеков, последние ввели обычай, получивший название «цветочных войн» (по-испански *guerras floridas*, буквальный перевод с языка науа). То есть периодически, по соглашению с вождями племен (естественно, навязанному им), начиналась война, но не за земли, поскольку к окончанию ее стороны оставались на своих местах, а за жертвы [Хаген, 2020]. Существовала строгая ротация:

Ранжирование ацтекских воинов в зависимости от их достижений. Кодекс Мендоса. Ок. 1541

⁹ Durán D. Historia de las Indias de Nueva España y islas de Tierra Firme. T. I. México. Imp. de J.M. Andrade y F. Escalante. 1867. 536 p.

Теночитлан, Тлакопан и Тескоко начинали войну с тем или иным племенем попеременно, в установленные сроки. Часть воинов той и другой стороны гибла на поле боя, а часть попадала в плен и позже приносилась в жертву на алтарях.

В 1517 г., т.е. незадолго до высадки испанцев, началась еще одна межэтническая война — на этот раз ацтеки наступали на земли тласкальтеков, племени, населявшего территории атлантического побережья. Тласкальтеки сопротивлялись упорно, но они были обречены на поражение в силу уже лишь численного превосходства ацтеков. Точнее, были бы обречены, если бы не... если бы не Кортес и Малинче.

А теперь вернемся к нашему повествованию. План Малинче выглядел примерно так. «С маяя нужно договориться как можно скорее и любой ценой. Обещай все, что угодно, и ничего от них не требуй. Ну, разве немного золота, ну и женщин тоже, этого добра им не жалко. Но главное — воинов. Майя ненавидят ацтеков, и 10–20 тысяч они дадут. Главное — начать. А дальше мы идем в земли тласкальтеков и тотонаков, вот наша главная ставка. Потому что для них война с ацтеками — это вопрос жизни и смерти, и мы — их спасение. И еще. Я буду присутствовать на всех переговорах. Я знаю майя так, как их не знает Агилар (*а уж ты-то их не знаешь и вовсе* — что, конечно, не было сказано вслух). Я подберу нужные слова. И к тому же они знают, что я ненавижу ацтеков не меньше, чем они, и уже поэтому они мне поверят».

Мы не присутствовали на этих тайных беседах и не ручаемся за верность формулировок. Но последствия говорят сами за себя. Переговоры имели успех, причем невероятно скорый, хотя — и это знает любой профессиональный переговорщик, и переводчик переговоров тоже — в подобных случаях они всегда замедляются необходимостью двойного перевода в обе стороны и множеством деталей, нуждающихся в обсуждении. Любой профессионал также знает, какой путь в плане обучения надо пройти, прежде чем человек будет готов к подобного рода общению. Агилар ничего не знал о положении дел в империи ацтеков — мир для него кончался деревенской околицей. Он говорил на одном из диалектов языка майя, но его общение с односельчанами, как легко догадаться, не выходило за пределы бытовых вопросов. Фактически можно говорить о том, что переговоры вела Малинче. Кортес задавал общую линию; у него была одна цель — война и победа, при его весьма ограниченных

Малинче и Эрнан Кортес принимают подарки от тласкальтеков.
Изображение из ацтекского полотна
«Льенсо де Тласкала». 1552

средствах недостижимая. Необходимо было создание коалиции. Повторим, о внутренней ситуации в империи Кортес поначалу не знал абсолютно ничего; все, что он узнавал, шло от этой женщины. Но быстро вникать в ситуацию было для него вопросом жизни и смерти.

При всех технических трудностях двуязычного, а затем и трехязычного общения, переговоры были облегчены фактором обоюдного стремления сторон как можно скорее договориться о боевом союзе. Против империи ацтеков выступили не 400 испанцев, а десятки тысяч коренных жителей Мексики, для которых испанцы были лишь организующей силой и боевым авангардом. И даром небес.

Итак, боевой союз с майя был заключен, и Кортес во главе сил коалиции пошел на запад, на Теночтитлан. На его пути лежали земли тотонаков, данников ацтеков. Административными центрами территорий этого племени были Киауицтлан (*Quiahuiztlán*) и Семпоала (*Sempoala*). Ранее здесь уже побывал Хуан де Грихальва, который сумел завязать дружеские отношения с местными старейшинами. Этот уже сложившийся контакт и, несомненно, общность интересов предопределили успех переговоров: тотонаки примкнули к коалиции.

Но для того чтобы это удалось, Кортесу и Малинче пришлось разыграть ловкую интригу: они уговорили старейшин тотонаков отказаться платить дань ацтекам и взять под стражу пятерых прибывших сборщиков налогов. После этого Кортес как бы устроил побег двоим из них и просил их сообщить императору Монтесуме (*Moctezuma Xocoyotzin*, 1502/1503–1520), что это тотонаки устроили мятеж, Кортес же якобы старается выступить в роли посредника и миротворца. Тем самым завязывались как бы союзнические отношения с императорским двором, но одновременно тотонаки освобождались от дани и, в целом, от политической зависимости от ацтеков. Жажда мести и стремление к независимости этого племени тем самым были удовлетворены, и на волне энтузиазма 1300 воинов-тотонаков сразу же примкнули к армии коалиции.

Следует отметить, что далеко не все индейские общины были готовы воевать, но они быстро вычислили, что надо выбирать меньшее из двух зол: пришельцы отнюдь не такие кровожадные, как ацтеки, они не требуют людей для жертвоприношений; им нужен только «товар», т.е. продовольствие, золото, которое для индейцев было всего лишь материалом для украшений, подобно современной нам латуни, и женщины, но отнюдь не для принесения в жертву. Поэтому, рассудили индейцы, надо делиться с пришельцами «товаром», и они уберутся. И пойдут себе дальше, на Теночтитлан. И до поры до времени это удавалось.

Не вдаваясь в подробности, которые можно легко почерпнуть из хроник, мы можем лишь отметить, что в дальнейшем продвижении Кортеса общая схема событий, имевших место в Киауицтлане, повторилась

и в Семпоале, и в Табаско, и в Тласкале, и в Чолуле. Местные племена и их вожди, разрываемые чувством вражды к ацтекам, страха перед ними и благоговейного ужаса перед белыми посланцами богов, сначала подвергали испанцев испытанию боем, а затем, будучи разбиты — не без помощи теперь уже войска тотонаков, которые не питали никаких дружеских чувств к тласкальтекам, — примыкали к армии вторжения и шли на столицу империи, чтобы отомстить за угнетение, а заодно и напиться кровью ацтекских пленников свои собственные капища. Для них это было и мстью за «цветочные войны», в которых ранее им приходилось терпеть унижительные поражения [Prescott, 2001].

Напомним, что в Чолуле, уже на собственно ацтекской территории, индейцы готовили засаду с последующим истреблением армии вторжения, для чего впустили в город только испанцев и потребовали от войска тотонаков расположиться по-одаль. Но замысел был сорван благодаря дипломатическому, да и актерскому таланту Малинче. Бродя по городу, как бывало и прежде, босиком, в простом белом холщовом платье — одеянии бедных ацтек — она сумела разговорить одну местную женщину, которая и открыла ей планы местных старейшин. А именно: в окрестностях города изготовились к ночной атаке 50 000 воинов-ацтеков. Местные жители должны были по наступлении темноты

Малинче.

Мексиканская гравюра XIX в.

Феликс Парра. Фрагмент картины
«Эпизоды конкисы. Резня в Чолуле». 1877

выкопать ямы-ловушки, куда будут падать пришельцы, когда заматаются, услышав сигнал тревоги и страшный вой атакующей орды. Штурм будет внезапным и всесокрушающим; не выживет никто из пришельцев. «Так что, девушка, тебя видели среди этих белых, тебя ждет смерть, беги сейчас же». И Малинче побежала — прямо к Кортесу. И испанцы тут же вышли из города и расположились на окрестных высотах, рядом с позициями тотонаков. Контрудар ацтеков был сорван. Ворвавшись в город, они не застали там врагов, боевой задор упал. Они все же предприняли попытку штурмовать позиции союзной армии, но были отбиты и отошли вглубь страны. А в сознании местного населения еще раз укрепился

миф о божественном происхождении пришельцев и их сверхчеловеческом разуме, позволяющем им проникать в замыслы всех противостоящих им человеческих созданий. Но об этом мифе — мифе о божественном происхождении пришельцев — нам еще предстоит говорить.

Не в первый и не в последний раз Малинче удалось направить ход истории в нужное ей русло. Поход на Теночтитлан продолжался.

Как происходило покорение: психологические аспекты

Если для психологического воздействия на племена, подвластные ацтекам, было достаточно лишь небольшого усилия, чтобы вызвать в них очередной взрыв ненависти к ацтекам, то по вступлении на собственно ацтекскую территорию надо было задействовать иные механизмы.

В сознании ацтеков — и Малинче знала эту легенду — на протяжении многих десятилетий существовал миф о боге Кетцалькоатле [Ricard, 1999]. Согласно этому поверью, Кетцалькоатль покинул пантеон богов и ушел за море в направлении на восход солнца, но обещал вернуться. По преданию, он был светлокж и бородат и носил на голове оперение птицы — что многие историки толкуют теперь как воспоминание о каких-то европейцах, возможно, греках, а может быть и о викингах, которые достигли побережья Мексики, жили некоторое время среди местных племен, а потом отбыли обратно через океан, обещав вернуться. Суеверные ацтеки и подвластные им племена жили с предчувствием этого возвращения, одни со страхом, другие — с надеждой на освобождение, и для всплеска этих чувств нужен был лишь конкретный повод.

Легенда была очень живуча среди всех народов империи Мешика, и именно на нее сделала ставку Малинче теперь, когда армия вторжения вступила в земли ацтеков. И самое главное — что самым суеверным человеком в империи был император Монтесума. Еще до появления испанцев к нему доходили вести о небесных знамениях. И, конечно, не случайно сразу же после первых известий о появлении из-за моря, с востока, бородатых людей с белой кожей и перьями на голове Монтесума приказал своим наместникам создать ряд наблюдательных постов в восточных землях страны и пристально следить за передвижениями и действиями пришельцев.

*Монтесума II наблюдает пролет кометы.
Иллюстрация к «Истории Индий Новой Испании»
Диего Дурана. Вторая половина XVI в.*

Наиболее полное изложение зловещих предвестий будущих бедствий, которые повергали в ужас ацтеков, начиная с самого императора, мы находим у Бернардино де Саагуна, в 12-й книге его фундаментального трактата «Всеобщая история событий в Новой Испании».

Еще в 1510 г. при дворе Монтесумы побывал тогдашний правитель Тескоко и вассал Монтесумы Несауальпилли (Nezahualpilli, 1464–1515), прославленный как великий провидец. Он предсказал бедствия, которые обрушатся на ацтекские города через несколько лет, и те знамения, которые будут их предвосхищать. Сам предсказатель умер в 1518 г., но некоторые из его пророчеств стали сбываться еще при его жизни.

И, на счастье испанцев, человеком, который наиболее истово верил в мифы, предсказания и предвестия, был не кто иной, как император *Монтесума* (в других произносительных версиях — *Моктесума* и *Мотекусума*).

Да, он постоянно засылал лазутчиков по всему пути следования испанцев, он направлял посольства, которые делали Кортесу драгоценные подношения, он, наконец, устраивал засады, как это было в Чолуле... Но что могли сказать ему лазутчики о происхождении пришельцев и о тайнах их смертоносного оружия, что могли сказать ему послы, кроме того, что внушала им Малинче — теперь уже бесконтрольно, поскольку свидетелем ее общения с посланцами ацтеков Агилар, не зная их языка, уже быть не мог, а Кортес и подавно. А срыв всех нападений и засад только усиливал веру Монтесумы в то, что он столкнулся с высшей силой. И лучше подчиниться или хотя бы маневрировать — иначе кара богов будет ужасна! Продвижение пришельцев продолжалось, а их армия продолжала расти.

Портрет Монтесумы II.
Ок. 1680

Как происходило покорение: ход событий

8 ноября 1519 г. армия вторжения достигла Теночтитлана. Взорам потрясенных испанцев открылся огромный город, расположившийся на острове посреди озера Тескоко и соединенный широкой дамбой с южным побережьем озера. На этой дамбе и произошла встреча Монтесумы с Кортесом. Позади императора стояла его свита в праздничных одеяниях, рядом — его брат Куитлауак (Cuitlahuac, 1476–1520) и племянник Какаматцин (Cacamatzin, 1483–1520). Рядом с Кортесом шли Агилар и Малинче, теперь уже одетая, как принцесса. Вожди обменялись цветистыми приветствиями, а затем воспаривший на седьмое небо Кортес совершил очередную,

не первую и не последнюю из тех глупостей, от которых его наверняка предостерегала Малинче, — он попытался обнять императора. Стоявшие рядом Куитлауак и Какаматцин оттолкнули его: никто не имел права коснуться императора, любая попытка такого рода каралась смертью.

Инцидент остался не замеченным внешними наблюдателями, и император сказал длинную и цветистую приветственную речь. Вот ее характерный фрагмент в переводе Малинче и Агилара, причем отнюдь не исключено, что он был подправлен Малинче в самом процессе перевода, а затем — и Кортесом в его донесении королю (мы опускаем повторы): «Господин мой, ты устал, ты изнурен. Ты пришел в свою землю, ты пришел в свой город, Мешико, ты пришел сесть на свое место, на свой трон. О, его пришлось хранить для тебя некоторое время, его хранили для тебя те, кто ушел, те, кто замещал тебя <...> Вот что было сказано нам нашими правителями <...> что ты придешь и потребуешь свой трон <...> Войди в свою землю, войди и отдохни, вступи во владение своими царскими дворцами, насыть свое тело»¹⁰.

Вслед за тем Монтесума предложил Кортесу занять часть помещений в императорском дворце Ашаякатль. Вместе с Кортесом в город вошли все испанцы и значительная часть верных им тотонаков.

На следующий день прием повторился уже в императорском дворце, начавшись также с приветственной речи Монтесумы, подобной первой. А затем, в ходе переговоров, Кортес сделал еще одну глупость, на этот раз грандиозную, сразу вооружившую против него и ацтекскую знать, и жречество, а через них — и простой народ. Он потребовал, чтобы испанцам дали возможность воздвигнуть на вершине одного из главных *теокалли* — священных пирамид, на вершине которых стояли статуи богов и приносились человеческие жертвы — изваяния Креста и Девы Марии. Ничего более святотатственного для ацтеков нельзя было и придумать! Что творилось в этот момент в душе Малинче, можно только догадываться. Однако она ничем себя не выдала — она держалась с достоинством и смотрела прямо в лицо Монтесуме и его вельможам — а ведь все подвластные ему должны были смотреть не прямо, а куда-то вбок! Это было неслыханно, тем более для женщины явно из народа ацтеков; это повергало в изумление весь двор и жрецов, но еще более шокировала их кощунственная выходка Кортеса.

*Встреча Кортеса и Монтесумы.
Вторая половина XVII в.*

¹⁰ Cortés H. Cartas de relación de la conquista de México...

Весть об этом сразу же разнеслась по стране, и несколькими днями позже ацтеки отреагировали. Их отряд напал на один из гарнизонов, оставленных Кортесом на побережье, и убил семерых испанцев и многих тотонакских воинов. 14 ноября об этом стало известно в столице, и Кортес в сопровождении семи своих офицеров, Агилара и Малинче явился к Монтесуме и потребо-

Хуан Ортега. Монтесума принимает Кортеса. 1885

вал сурового наказания виновных, а от самого Монтесумы — немедленно перебраться в ту часть дворца, в которой располагались испанцы, сказав, что речь идет о его жизни. Отказаться было невозможно, и бывший император стал пленником и заложником испанцев. Впрочем, атрибуты своей власти он сохранял и далее, на протяжении еще остававшихся ему нескольких месяцев жизни.

Неизвестный художник. Пленение Монтесумы Эрнаном Кортесом. 1783–1800

Формально он оставался верховным правителем и имел право издавать указы, но все теперь делалось под контролем Кортеса. Так, он распорядился передать пришельцам часть сокровищницы золотых украшений, которые испанцы тут же перелили в слитки, чтобы отправить часть их королю, остальное же разделили между собой. Народ продолжал верить своему повелителю, но среди высшей знати и воинов уже зрел заговор против него и пришельцев.

Но это было во внешнем мире. А что происходило во дворце, который охранялся по внутреннему периметру испанцами, а по внешнему — их союзниками?

Монтесума оставался императором, он принимал у себя придворных и военачальников, проводил совещания, давал указания по вопросам внутренней политики,

пытался улаживать конфликты, возникавшие между оккупантами и местным населением, включая ацтекское воинство, жречество и простонародье. Но он был пленником и знал это, пусть и был он пленником на особом положении. Он пользовался свободой передвижения в пределах дворца,

придворный ритуал оставался тем же, включая и рацион питания. Свой стол он делил с наиболее близкими ему придворными, а также с Кортесом и его высшим офицерами. Но главное — он проводил все больше времени, общаясь с Кортесом через посредство Малинче. Мы говорим «через посредство», но это было весьма своеобразное посредство.

О чем они говорили? Ни один из трех не оставил воспоминаний об этих беседах. Их можно только реконструировать. О чем мог говорить Монтесума? О славном прошлом своей империи, о нынешнем ее положении, о верованиях, нравах и обычаях ацтеков — то есть обо всем том, что было полувеком позже описано в трудах Бернардино де Саагуна. Но Саагун работал над своими трудами долго и вдумчиво; Малинче же приходилось излагать весь сложный мир представлений Империи Мешика и строй мысли ее повелителя на своем еще весьма примитивном испанском языке, и неизвестно, как это у нее получалось. Кортес вежливо слушал, но его всё это мало интересовало: он привык мыслить конкретно и практически; скорее всего, слушая Монтесуму и кивая головой, он думал о том, куда и какой отряд своих войск следует передвинуть и какую очередную интригу затеет против него его давний враг Диего Веласкес де Куэльяр. Неслучайно в отчетах Кортеса королю мы не найдем никакого пересказа словоизлияний Монтесумы.

А обратная сторона? Что говорил, что мог говорить Кортес? У него было некоторое образование, сначала общее, затем — юридическое. У него было некоторое представление о событиях в Европе, о положении внутри Священной Римской империи, во главе которой стоял император Карл V, он же — Карл I Испанский. Он, Кортес, был просто обязан превозносить величие своего повелителя, как это обязаны были делать все подданные короны Габсбургов, тем более что они знали, что стены имеют уши. Этот механизм был внедрен в них глубоко, он действовал просто на уровне подсознания. Конечно, подданный испанской короны обязан был превозносить ценности христианской религии. Но вот как донести весь круг своих знаний до сознания человека из совсем другого мира — об этом он не имел ни малейшего представления. И эта пропасть между реальностью любого межкультурного и межкультурного общения, с одной стороны, и представлениями каждого из участников общения — с другой — это та проблема, с которой сталкивается любой переводчик, точнее, не любой, а только тот, который способен ее осознать.

*Малинче переводит встречу Кортеса и Монтесумы.
Иллюстрация из «Всеобщей истории событий в Новой Испании»
Б. де Саагуна. XVI в.*

И тут вступала в действие Малинче. Она сама не могла разбираться в перипетиях европейской политики, во внутренних делах Империи Габсбургов и Испанского королевства, в тонкостях христианской религии. Она могла и не понимать многого из того, о чем говорил Кортес. Она вынуждена была интерпретировать и фантазировать. Но фантазировать не просто, а с опорой на мифологию и религиозное сознание ацтеков [Séjourné, 1957: 58–90] — вот относительно них-то она была в курсе. И здесь она действовала бесконтрольно, поскольку Кортес не мог сопоставить то, что говорил он, и то, что говорила она, а Монтесума внимал ей заворожённо, поскольку его собственное, в высшей степени мистическое сознание нуждалось в постоянной подпитке плодами собственного и чужого воображения.

И опять-таки, можно лишь с определенной долей вероятности реконструировать то, что выходило из уст Малинче в то время, как она якобы переводила высказывания Кортеса. То, что она была способна в минимуме времени понять из христианского вероучения, перевоплощалось в некий сплав европейских и ацтекских представлений (возможно, и с примесью элементов религии майя). Главная же установка была ясна: доказать тезис о божественном происхождении пришельцев, сынов Кетцалькоатля (скорей всего, в его роли выступал император Карл V), исполнителей воли богов, которые обладали сверхчеловеческим разумом пришельцев, дающим им возможность предвидеть все передвижения противостоящих им войск, обходить их засады и наносить им поражения — кто мог знать, что за этим стояла сама Малинче. И, добавим, ее разведслужбы, поскольку единственным человеком в стане испанцев, кто мог выслушивать и анализировать донесения лазутчиков из среды местных жителей, была всё она же!

Повторим, всё то, что говорилось теперь Монтесуме, уже внушалось ранее вождям и старейшинам всех племен, встреченных испанцами на пути от Атлантического побережья до Теночтитлана. И естественным будет предположить, что в ходе всех этих бесед эта гениальная женщина совершенствовала свой способ доказательства, принимая во внимание все сомнения и возражения, которые выдвигали собеседники, и учитывая те особенности их образа мысли, к которым следовало адаптировать свои доводы. Она действовала творчески и совершенно бесконтрольно — ни Кортес, ни его офицеры, ни Агилар и представить себе не могли, что говорит туземцам эта женщина якобы от имени испанской стороны.

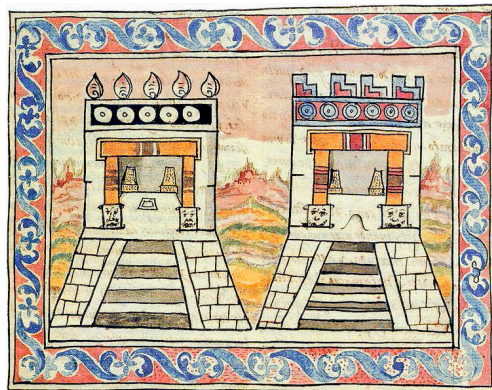
Ацтекское божество
Кетцалькоатль

Все это давало свои плоды — и ранее, на просторах Империи, и сейчас, во дворце Ашаякатль. Монтесума всё больше подпадал под влияние личности Кортеса — точнее, того образа Кортеса, который разыгрывала перед ним Малинче, — и всё больше проникался сознанием правильности избранного им пути: не противиться воле богов, иначе кары будут неотвратимы и неисчислимы и для него лично, и для всего народа Империи. Будучи человеком слабым, впечатлительным, внушаемым, он даже без внутреннего сопротивления становился орудием двух неизмеримо более сильных личностей — нам известно, каких. И нам ясно, какой из двух в большей степени, поскольку Малинче, с ее независимой манерой держаться, немыслимой ни для одной индейской женщины, с ее владением тремя языками, представлялась ему существом высшего порядка, лишь принявшим на время обличье ацтекской принцессы.

Последующий ход событий, ставших трагическими для всех сторон, был ускорен самими испанцами. В мае Кортес узнал, что на побережье высадился отряд под командованием Панфило Нарваэса (Pánfilo de Narváez, ок. 1470–1528), посланный губернатором Кубы (и всего Карибского архипелага) Диего Веласкесом. Задача — сменить Кортеса на посту командующего экспедицией, арестовать его и препроводить на Кубу, в распоряжение губернатора. Кортес двинулся им навстречу с частью своих войск, имея целью объяснить своим соплеменникам бессмысленность их задачи, а по возможности — и переманить их на свою сторону. В значительной степени это ему удалось, и он вернулся в Теночтитлан с подкреплением. Но было уже поздно.

В его отсутствие его ближайший помощник Педро де Альварадо (Pedro de Alvarado, 1485–1541) совершил чудовищную глупость, которая превосходила по масштабам все глупости Кортеса и едва не привела к крушению всего грандиозного замысла покорения Мексики.

В июне ацтеки отмечали праздник Тошкатль — праздник бога Уицилопочтли. Знатные люди империи и города, военачальники, жрецы и множество другого народа — всего в количестве около 600 человек — собрались для богослужения в храме этого бога в центре Теночтитлана. Они заранее испросили и получили разрешение Альварадо на это собрание. При этом они не были вооружены. Но, очевидно, испанскому командиру поступил донос, который в отсутствие Малинче некому было отфильтровать, о том, что якобы готовится мятеж. Альварадо

Темпло Майор, Теночтитлан.
Иллюстрация к «Истории Индий
Новой Испании» Диего Дурана.
Вторая половина XVI в.

приказал запереть снаружи все двери храма, кроме одной, через которую в храм ворвались вооруженные испанцы. Большинство собравшихся было перебито. И теперь всеобщего восстания было уже не избежать. В один из последующих дней Монтесума вышел на стену дворца и обратился к бушующей толпе в намерении отговорить ее от восстания. Но народ уже разуверился в своем императоре, в него полетели камни, и одним из них он был ранен в голову. Рана была тяжелой, и через три дня император скончался. Трон занял его брат, воинственный Куитлауак.

Через несколько дней в столицу вернулся Кортес с подкреплением в 1300 воинов. Но взрыв страстей был уже неотвратим. Тысячи ацтеков осадили дворец. Во дворце неизбежно должен был наступить голод, после чего пришельцы становились легкой добычей осаждавших. Осажденным надо было принимать решение. В ночь на 30 июня испанцы и дружественные им тотонаки оставили город. Для них наступила так называемая «Ночь печали» (исп. *La Noche Triste*). Драматические события той ночи подробно и красочно описаны и в воспоминаниях современников, и в хрониках, и в трудах историков последующих эпох. Эти описания открыты для всех желающих.

Время, однако, работало против ацтеков. В империи разразилась эпидемия оспы и других болезней, от которых люди гибли тысячами, начался голод. И когда армия Коалиции: «испанцы—тласкальтеки—тотонаки—маяя—отоми и все примкнувшие» — все, кто почувствовал долгожданный запах свободы и запах ацтекской крови, — возобновила наступление, она встретила очень слабое сопротивление. На стороне Империи выступил только один, близкий и союзный ему город Тлателолько.

Войска Коалиции осадили столицу как с суши, поскольку они блокировали все дамбы, связывавшие остров с материком, так и с водного пространства — привезенные Кортесом на колесах и спущенные здесь на воду бригаантины разгоняли и топили ацтекские пироги. Город лишился подвоза продовольствия и не только — союзные войска разрушили акведук, снабжавший его питьевой водой.

Город во главе с новым императором Куаутеком (Cuauhtemoc, 1521–1525) держался 8 месяцев. Когда союзники предприняли первую попытку штурма, окончившуюся неудачно, ацтеки в один день принесли в жертву своим богам 70 испанцев-военнопленных. Среди пленников был,

Рукопись «Полотно Тласкалы» содержит множество описаний и 156 чернильных рисунков, посвященных эпизодам борьбы ацтеков с испанцами. Ныне находится в университете города Глазго. Труд под названием «Descripción de la ciudad y provincia de Tlaxcala de la Nueva España...» был подготовлен к печати в период между 1580 и 1585 гг. историком Диего Муньосом Камарго.

в частности, Кристоаль де Гусман, спасший самого Кортеса от неминуемой гибели в «Ночь печали». Гнев Кортеса и всех испанцев и жажда возмездия с их стороны не знали границ. Этот акт знаменовал собою конец попыткам Кортеса договориться с Куаутемоком о почетном мире. Судьба Теночтитлана была решена.

Отметим, кстати, что в еще больших количествах ацтеки приносили в жертву и союзных испанцам майя, тласкальтеков, тотонаков и прочих. А воины упомянутых племен платили ацтекам тем же — и в силу обычаев, и из чувства мести за все прошлые унижения. Но Кортес не вмешивался во взаимоотношения аборигенов; момент запрета на противные христианству человеческие жертвоприношения был еще впереди.

Руины комплекса Темпло Майор древнего Теночтитлана. На фоне — Кафедральный собор Мехико

Теночтитлан был полностью разрушен — сначала огнем артиллерии, затем усилиями тласкальтеков; пожар довершил дело. Вскоре после этого началось строительство нового города, теперь уже по европейскому образцу, но ацтекам было запрещено селиться и здесь, и на других островах озера Тескоко. Та же судьба постигла и город Тлателолько.

* * *

Подведем итоги. По подсчетам историков, всего на стороне Империи ацтеков в войне 1519–1521 гг. сражалось около 200 000 воинов; на стороне Кортеса — около 2000 испанцев и примерно 100 000 воинов коалиции племен, созданной Кортесом и Малинче (при решающей роли последней). Это лишь приблизительные оценки; в любом случае силы были сопоставимы. Но тут-то и сказался тот дополнительный фактор, который и решил исход кампании. Это превосходство испанцев, боевого авангарда Коалиции, в вооружении. Здесь, разумеется, сработали и стальные доспехи, и шпаги толедской стали, и кавалерия, и мушкеты, и мортиры, и кулеврины, но этот фактор был бы ничтожным, если бы он был единственным. При равенстве же сил любое дополнительное преимущество может оказаться — и часто оказывается — решающим.

Но был и еще один фактор, работавший на испано-тотонакско-тласкальтекскую коалицию: организационный. До появления испанцев войны между коренными жителями Америки носили характер беспорядочных столкновений — столкновений на поле боя неуправляемых орд разъяренных

людей, одержимых одной идеей: сначала бешеным натиском сломить сопротивление противника, а затем — не убивая уже поверженных врагов, взять как можно большее количество их в плен, чтобы в последующие дни торжественно принести в жертву своим богам. Те же планы они строили и в отношении испанцев: не убивать, а брать в плен живыми.

Пришельцы же, за плечами которых стоял многовековой опыт европейских войн, во главу угла ставили общий план сражения: взаимодействие пехоты, кавалерии и артиллерии, причем действия пехоты были также дистанционными — сначала нападавших индейцев разили огнем мушкетов и стрелами арбалетов, оружия гораздо более эффективного, чем луки и даже чем мушкеты того времени. Одновременно работала артиллерия. Потом, при сближении, в дело шли шпаги, наносившие молниеносные точечные удары, опережавшие удары индейских палиц. И наконец, дело завершала атака кавалерии, которой, при всей ее малочисленности, индейцам нечего было противопоставить. И главная идея испанцев в бою была: убивать или любым способом выводить противника из боя. Сражение надо выигрывать любой ценой. Сломить противника, а не брать его в плен. Этим пусть занимаются тласкальтеки и тотонаки, если им это нужно... А для европейцев главное — преодолеть натиск атакующего противника; остальное сделают союзники.

А если к этим чисто военным факторам добавить и фактор психологический, и тот, который мы условно называем «демографическим», то победа атакующей стороны предопределена. Под демографическим фактором мы понимаем здесь воздействие контактов разных этносов на численность населения. Если говорить точнее, то речь идет о грандиозной убыли населения в результате занесенных европейцами вирусных заболеваний, перераставших на вновь открытом континенте в опустошительные эпидемии.

При этом важно подчеркнуть, что описанные демографические процессы тесно переплетались с упомянутым выше психологическим фактором. Проще говоря, массовая гибель людей от неведомых ранее недугов подрывала волю народа к сопротивлению. По мере распространения болезней в народе росло убеждение, что смерть стольких людей есть месть богов за сопротивление народа их посланцам — пришельцам с востока. И это как раз то, что внушала старейшинам местных племен Малинче. В результате всё больше людей предпочитали отбросить саму идею сопротивления и покориться судьбе. А покориться судьбе означало подчиниться новой власти. Что и стали делать местные племена сразу же после падения Теночтитлана.

А какова же была дальнейшая судьба Малинче? В 1522 г. она родила Кортесу сына, которого при крещении назвали Мартином и который в дальнейшем стал испанским аристократом. Кортес выстроил для нее и сына дом в Койоакане, предместье Теночтитлана, но так и не женился на ней, очевидно, мечтая о женитьбе на испанке знатного рода, что впоследствии

и произошло. А вскоре Кортес разлучил Малинче с сыном, взяв ее с собой в уже упомянутый поход в Центральную Америку и отдав сына на попечение одного из своих офицеров. Во время этого похода Малинче вышла замуж (возможно, по настоянию Кортеса) за одного из испанских офицеров, Хуана де Харамильо, в результате чего стала испанской дворянкой и владелицей поместья в окрестностях отстраивавшегося на развалинах Теночтитлана города Вера-Крус (ныне — Мехико). В этом браке она родила дочь Марию. В 1528 г. Кортес отбыл в Испанию, взяв с собой сына Мартина, и Малинче не суждено было более увидеть ни того ни другого.

Официальных сведений о дальнейшей жизни нашей героини нет. Историки предполагают — на основании отсутствия каких-либо упоминаний о ней — что она умерла в конце 1520-х – начале 1530-х гг. в ходе очередной эпидемии неизвестного происхождения. Такие эпидемии разражались в Мексике и в середине, и в конце того же XVI в., и, уж конечно, неоднократно ранее. В последующие века память о ней не умирала: по большей части ее клеймили как предательницу; но клеймили в основном те, кто считал себя потомками ацтеков, потомки же племен, освобожденных ею от ацтекского владычества, относились к ее памяти благосклонно. В последние годы ее имя написали на своих знаменах мексиканские феминистки. Ей посвящаются исторические исследования, романы и фильмы; о ней читаются лекции в университетах. Тем не менее, по нашему мнению, роль ее недооценена: о ней говорят как о спутнице и переводчице Кортеса, не до конца осознавая ее роль как мозгового центра, дипломата и разведчика всей кампании, фактического создателя той коалиции племен и той союзной армии, без которых никакое покорение Мексики было бы невозможно.

Список литературы / References

- Дюверже К. (2005) *Кортес*, Москва, Молодая гвардия, 290 с.
 Duverger Ch. (2005) *Kortes* [Cortés], Moscow, Molodaya gvardiya, 290 p. (In Russian)
- Кеймен Г. (2008) *Испания: дорога к империи*, Москва, АСТ Хранитель, 764 с.
 Kamen H. (2008) *Ispaniya: doroga k imperii* [Spain's Road to Empire], Moscow, AST Khranitel', 764 p. (In Russian)
- Хаген В. фон. (2020) *Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки*, Москва, Центрполиграф, 539 с.
 Hagen V. von. (2020) *Atsteki, maiya, inki. Velikie tsarstva drevnei Ameriki* [Aztecs, Maya, Incas. Great kingdoms of ancient America], Moscow, Tsentrpoligraf, 539 p. (In Russian)
- Caso A. (1953) *El Pueblo del Sol* [The People of the Sun], México, Fondo de Cultura Económica, 125 p. (In Spanish)
- Hassig R. (2003) El sacrificio y las fuerras floridas [The Sacrifice and the flower wars], *Arqueología Mexicana*, vol. XI, no. 63, pp. 46–51. (In Spanish)

Orozco Linares F. (2015) *Historia de México* [History of Mexico], México, Panorama, 248 p. (In Spanish)

Prescott W.H. (2001) *History of the Conquest of Mexico*, New York, Modern Library, 1056 p.

Ricard R. (1999) *La conquista espiritual de México* [The spiritual conquest of Mexico], México, Fondo de Cultura Económica, 492 p. (In Spanish)

Séjourné L. (1957) *Pensamiento y Religión en el México Antiguo* [Thought and Religion in Ancient Mexico], México, Fondo de Cultura Económica, 220 p. (In Spanish)

Иллюстрации к статье А.В. Садикова «Малинче и покорение Мексики.
Попытка исторической реконструкции»

*Десидерио Эрнандес Ксочитиотцин. Переговоры тласкальтеков с Эрнаном Кортесом.
Мурал во дворце правительства штата Тласкала, Мексика*

Встреча Кортеса и Монтезумы. Хромолитография второй половины XIX в.

Антонио Руис. Сон Малинче. 1939

Хосе Галофре и Кома. Эрнан Кортес и посланцы Монтесумы. 1854

Даниель дель Валье. Монтесума II посещает могилу своих предков. 1895

Диего Ривера. Фрагмент мурала «Вид на великий Теночтитлан с рынка Тлателолко». 1945

Малинче переводит Кортесу. Рисунок из «Полотна Тласкалы»

Бой на дамбе в «Ночь печали». Рисунок из «Полотна Тласкалы»